

УДК 811.161.1'276.6'42

Орнаментальные элокутивные средства в военном дискурсе русского языка начала XX века

А. В. Уланов

Уланов Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор факультета очного обучения, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, Омск, ulanov.andrey.2014@mail.ru

Статья посвящена классификации элокутивных средств, функционировавших в русском военном дискурсе XIX – начала XX в. Автор раскрывает классификационные признаки военных элокутивов, приходя к выводу, что экспрессивные средства играют ведущую роль в повышении выразительности военно-специализированных контекстов.

Ключевые слова: военные элокутивы, экспрессивы, тропы, фигуры, теория элокуции.

Ornamental Elocution Means in the Military Discourse of the Russian Language of the Early 20th Century

A. V. Ulanov

Andrew V. Ulanov, <https://orcid.org/0000-0001-8872-3016>, Siberian Institute of Business and Information Technologies, 196/1, 24 Severnaya Str., Omsk 644116, Russia, ulanov.andrey.2014@mail.ru

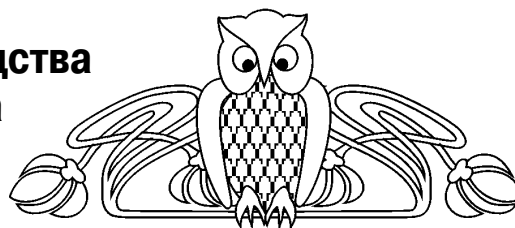
The article is devoted to the classification of elocution means operating in the Russian military discourse of the 19th – early 20th century. The author reveals the classification criteria of the military elocution means, coming to the conclusion that the expressive tools play the leading role in enhancing the expressiveness of the military-specialized contexts.

Keywords: military elocution means, expressives, tropes, figures, theory of elocution.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-11-15>

Один из аспектов лингвистического исследования художественных контекстов – изучение представленных в них выразительных средств, тропов и стилистических фигур. Подробно вопрос элокутивного потенциала текста исследует И. В. Пекарская, которая полагает, что «теория фигур сегодня расширяет свои границы, превращаясь в теорию элокуции, вбирающую в себя не только системное описание орнаментальных элокутивов – тропов и фигур, но и иной языковой образности неорнаментального характера – фонетических, лексических, фразеологических экспрессивов (формальных, семантических, формально-семантических, в том числе окказионального характера)»¹.

Подтверждением «расширения границ элокуции» является появление так называемых военных элокутивов, которые находили от-

ражение в текстах и ранее, однако нуждались и нуждаются в должной терминологической дефиниции. Под военным элокутивом мы понимаем прагматически значимое стилистическое средство (троп, фигуру), выполняющее особую экспрессивную функцию в военно-дискурсивном пространстве. Военные элокутивы имеют место в неинституциональном военном дискурсе, массив которого образуют тексты неофициального художественно-публицистического, разговорно-диалогового характера. В таких текстах особое место занимает прагматическая оценка военных событий, необходимая для субъективного восприятия войны и объективного выражения своей точки зрения на природу и последствия военных событий.

Под дискурсом мы понимаем речевую деятельность, взятую в контексте ситуации общения и включающую важнейшие смысловые, фактические, психоэмоциональные аспекты этой ситуации. Институциональный военный дискурс является особым видом речевой организации картины мира военнослужащих, которая представляет собой отражение структурных особенностей армии как социального института и отличается специфической целенаправленной «милитаристской» коммуникацией, социально направленным характером общения, специфической хронологичностью, собственной системой ценностей и традиций коммуникантов.

Теория элокуции при рассмотрении ее в рамках русского военного дискурса приобретает особую значимость, при этом актуальной становится особая – военная – элокуция как особая совокупность средств экспрессивности, используемая в военно-дискурсивном пространстве и усиливающая выразительные возможности военно-специализированного языка за счет употребления регулярных экспрессивно-выразительных средств, относящихся к орнаментальным и фигуральным элокутивам. Отличие военной элокуции от общей элокуции состоит в применении лексем военного подъязыка в сочетании с общеязыковыми средствами выражения. Средствами военной элокуции являются военные тропы и фигуры. К первым отнесем контекстную синонимику, военную метафору, военный эпитет, военную метонимию, военное олицетворение. Ко вторым относятся военное обращение, восклицание, афоризмы, перечисления, перифразы, риторические вопросы.

Рассмотрим репрезентацию милитарных элокутивов на примере книги О. Козельского «Записки батареинаго командира» (Составлены по письмамъ, замѣткамъ и разсказамъ участника войны. Выпускъ первый. Петроградъ. Библиотека «Вечерняго времени». Изданіе Б. А. Суворина, 1915. 98 с.).

Тропы и стилистические фигуры можно назвать орнаментальными средствами, т. е. теми тропами и стилистическими фигурами, которые представляют собой усилители изобразительности речи². Элокуция и такой ее подвид, как милитарная элокуция, – языковое средство военного дискурса, выполнявшее экспрессивную и эмоционально-оценочную функцию в военно-дискурсивном пространстве. На это мы обращаем внимание в наших предыдущих работах, посвященных анализу лингвистической ценности источников Сибирского казачьего войска³, а также текстов о Русско-японской войне⁴.

Контекстные синонимы – лексемы, семантически близкие только в рамках одного военно-дискурсивного контекста. Анализируя контексты периода Первой мировой войны, можно зафиксировать, к примеру, употребление лексем *немцы* и *противники* в качестве контекстных синонимов, однако номинация *немцы* употребляется как контекстуальный синоним и к другим лексемам (ср.: *колбасникъ*):

Только-что ужиналъ на вокзалѣ (кириллический «ять» обозначим буквой «Ь»). – А. У.) и разговаривать съ офицеромъ А-скаго гусарскаго полка; прѣбывавшимъ изъ Пруссіи. Говоритъ, что фактъ добиванія немцами нашихъ раненыхъ установленъ оффиціально. Какой подлый у насъ противникъ. Поручикъ разсказывалъ, между прочимъ, о томъ озлобленіи, съ какимъ германцы ведутъ войну.

Опять залетали непріятельскіе аэропланы. Негодяи разбрасываютъ съ нихъ прокламаціи, обращенные к нашимъ войскамъ⁵.

Не врагъ у насъ, а мерзавецъ и подлець, немецъ (21).

Негодяи германцы обстрѣливали поБздъ подѣ Варшавой бомбами съ аэроплановъ, не обращая вниманія на выброшенные флаги Краснаго Креста (65).

В других контекстах лексема *колбасникъ* используется применительно к слову *немецъ*.

– Я по-русски говоришь, а ты по-нѣмецки не понимаешь, потому ты русски свинья, – послышался на ломаномъ языкѣ отвѣтъ, покрытый хохотомъ нѣсколькихъ голосовъ.

– Врешь, нѣмецъ, – не остался въ долгу нашъ: – у васъ, у колбасниковъ, свиней въ Германіи больше... у васъ, что не человекъ, то свинья (48).

Милитарные эпитеты – художественно-образные определения, которые подчеркивают наиболее существенные для данного военно-дискурсивного контекста признаки предмета/явления военной сферы.

Милитарные эпитеты обладают положительной/отрицательной коннотацией. Первая за-

частую относится к простым военнослужащим. Атрибутивной характеристикой сопровождаются наименования солдат, причем необязательно русской, но и вражеской армии: солдат ← (1) *мирный* (по отношению к миру), (2) *искусный, славный* (по военному навыку), (3) *бравый, храбрый* (по смелости). Объективный характер повествования позволяет автору применять к вражеской армии не только отрицательные, но и положительные языковые характеристики, так как повествователь хочет подчеркнуть объективно выигрышные качества соперника в военном сражении. Таким образом, если к вражеским частям применимы как положительные, так и отрицательные средства выражения (*враг* ← *зарвавшийся*), то к собственным военным силам – сугубо положительные.

(1) Много разсказывалъ поручикъ и о такъ называемыхъ мирныхъ жителяхъ-нѣмцахъ, сигнализирующихъ своимъ изъ тыла нашихъ войскъ. Онъ говорилъ, на примеръ, что каждую ночь «мирные» нѣмцы поджигаютъ постройки и стога сѣна, сообщая этими условными сигналами о передвиженіи нашихъ частей. Да, намъ, повидимому, предстоитъ долгая и упорная борьба съ германцами. У нихъ всталъ весь народъ.

(2) Надо сказать, что искусные въ технике, пользуясь всеми ея приемами, германцы гораздо сильнѣе въ обороне, чѣмъ въ открытомъ бою (37).

Вслѣдъ затѣмъ по сосѣдству съ нами заняли позицію дивизионъ N-ой артиллерійской бригады и мы узнали, что наши славные стрѣлки стремительнымъ ударомъ опять заняли станцію и вторично отбросили германцевъ за реку (75).

(3) Съ тѣхъ поръ я Науменко не видалъ. Гдѣ и съ кѣмъ онъ блуждаетъ и какъ найдетъ меня? Вѣроятно, опять примазался къ какой-нибудь части и закололъ пару нѣмцевъ, а можетъ быть его и въ живыхъ нѣтъ. Бравый солдатъ. Впрочемъ, въ этой войнѣ всѣ равны (71).

Вражеские части наделяются явной отрицательной характеристикой:

Странно было проходить тѣ мѣста, гдѣ мѣсяцъ тому назадъ мы отступали подѣ натискомъ германскихъ силъ, увлекая ихъ за собой въглубь нашей земли, ея лѣсовъ, болотъ и непроѣзжихъ дорогъ, куда зарвавшийся непріятель шель на вѣрное пораженіе (35).

Оружие. *Осколок – шальной, средства – могущественные, отчаянные:*

Только въ третьей батареѣ шальнымъ осколкомъ былъ убитъ одинъ нижній чинъ, да въ прикрытіи ранено две лошади. За этотъ день пехота пострадала сильно. Санитары действовали молодецки, некоторые вынося раненыхъ подѣ огнемъ (12).

Но кто знаетъ, что трудный – поборошь ли врага въ открытомъ бою, или тамъ, гдѣ на арену вмѣсто оружія выступаютъ другія могущественныя средства! (57).

Взводъ Стены, разстрѣлявъ всѣ патроны, находился по колѣно въ болотѣ и нѣмцы били

людей на выборъ. Тогда наши прибегли къ послѣднему **отчаянному** средству (63).

На слѣдующій день **рѣшительнымъ** штурмомъ наша бригада опять отбросила противника отъ О-чъ, затѣмъ заняла др. З-лу-ки и станцію Р-инъ (75).

Милитарная метафора – слово или выражение, в рамках военно-дискурсивного пространства употребляемое в переносном смысле на основе ассоциации по сходству и по аналогии. Целесообразно разграничивать субстантивную и глагольную милитарную метафору на основе общего категориального признака метафоры – предметное/процессуальное значение.

Дуэль ‘поединок’ – **дуэль** ‘артиллерийское сражение’: *Открытый 2-й батареей огонь съ дальней дистанціи нанесъ имъ большой уронъ и разбѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ началась артиллерійская дуэль, продолжавшаяся безъ перерыва до ночи* (12).

Молчание ‘тишина в разговоре’ – **молчание** ‘затишье в сражении’: *Въ первый день боя перевѣсъ въ огне у немецевъ былъ незначительный, такъ какъ намъ удалось привести къ молчанію две ихъ батареи* (12).

Душить ‘насиловать лишать дыхания’ – **душить** ‘подавлять’: *Все это доказываетъ, съ какимъ сознаниемъ ведутъ у насъ борьбу съ нѣмцами. И то сказать: **забли насъ нѣмцы, душатъ русскую жизнь** и забираются на самыя верхніе этажи. Пора съ этимъ кончить...* (19).

Цепь ‘ряд соединенных звеньев’ – **цепь** ‘ряд соединенных звеньев пехоты’: *Съ утра въ пѣхотныхъ цѣляхъ оживленная перестрѣлка. При всемъ томъ ожидать, чтобы нѣмцы решились наступать въ лобъ нашей позиціи нельзя; вѣрнѣе думать, что поведутъ глубокой обходъ. Артиллерія наша и противниковъ молчитъ* (20).

Аккомпанемент ‘игра, сопровождающая пение’ – **аккомпанемент** ‘сопровождающие звуки стрельбы’: *Но мы долго, шли **подъ аккомпаниментъ** неприятельской артиллеріи. Очевидно, немцы, получивъ на орехи, предположили, что дошли до одной изъ укрепленных нами позицій, которую придется брать атакой, вероятно, утромъ они были очень огорчены, убедившись, что насъ нетъ и что они напрасно старались* (21).

Водоворот ‘место, в котором образуется сильное вращательное движение воды’ – **водоворот** ‘сильное движение событий’: *Вспоминается нашъ путь сюда, деревни, черезъ которыхъ мы вчера шли, люди, которые насъ тамъ встречали, и вся мирная сельская природа. Все это затянута въ **водоворотъ кровавой войны**, все это должно испытать ея ужасы – разореніе, разрушеніе и смерть* (24).

Сейчасъ мы снова въ 16 верстахъ отъ С., откуда началась наша боевая работа. Нашъ отрядъ оторванъ (28).

Лес ‘пространство, покрытое растущими и рослыми деревьями’ – **лес** ‘множество острых,

торчащих предметов’: *Передаютъ, что съ утра замѣчено какъ-будто измѣненіе въ тактикѣ у неприятеля; онъ усилилъ препятствія къ подходу къ своимъ позиціямъ, наворотивъ **цѣлый лѣсъ** проволочныхъ загражденій, ямъ и пр.* (36–37).

*Мы, послѣ Нѣманскихъ боевъ, относимся къ немоданамъ (разрывы снарядов. – А. У.) спокойно. Конечно, близкий разрывъ производитъ впечатленіе, но и только; одновременно съ страшнымъ, все заглушающимъ трескомъ, съ земли подымается черный столбъ, падающій затѣмъ тяжелымъ смертоноснымъ **облакомъ*** (40).

Рой ‘семья пчел’ – **рой** ‘множество чего-либо’: *Миролюбіе конечно обманчивое. Высунуть изъ окопа голову нельзя – тотчасъ мимо ушей **прожужжитъ рой пуль*** (49).

Орда ‘ставка хана у тюрских кочевых народов’ – **орда** ‘толпа, скопище, банда’: *Мы быстро прошли предмѣстье и городъ и вышли на шоссе. По нему непрерывной лентой тянулись въ Варшаву бѣженцы, уходившія отъ германскихъ **ордъ*** (73).

Милитарная метонимия – вид тропа, словосочетание, где одно слово замещается другим, таким, которое обозначает предмет (явление), находящийся в определенной пространственной близости с тем предметом, который обозначается замещаемым словом в рамках военно-дискурсивного пространства.

*Выяснилось, что наша бригада будетъ дѣйствовать самостоятельно. Ближайшая задача – идти въ Пруссію, войти въ соприкосновеніе съ **неприятелемъ** и, вынуждая его къ бою, оттягивать на себя* (63).

Отметонимные образования: *Туда посланъ былъ батальонъ 1-го полка и взводъ 2-й батареи, съ цѣлью поддержать казаковъ, буде опредѣлится, что въ К-нѣ находится и **неприятельская пѣхота**, и занять мѣстечко, если окажется, что силы германцевъ небольшія* (63).

Милитарное олицетворение – имеющее в военно-дискурсивном пространстве словесное уподобление какого-либо предмета-реалии военной сферы живому существу.

*Съ утра въ пѣхотныхъ цѣляхъ оживленная перестрѣлка. При всемъ томъ ожидать, чтобы нѣмцы решились наступать въ лобъ нашей позиціи нельзя; вѣрнѣе думать, что поведутъ глубокой обходъ. **Артиллерія** наша и противниковъ **молчитъ*** (20).

Но мнѣ кажется, что настоящая война разрѣшаетъ вопросъ не только о великодержавіи Россіи и Германіи, но и о свободномъ развитіи всѣхъ славянъ (79).

Милитарное обращение – стилистическая фигура военно-дискурсивного пространства, содержащая устное обращение (наименование) к какому-либо уважаемому лицу.

Серьезные потери понесла наша батарея, у которой германцы подбили орудіе и ранили поручика Яшинева (осколкомъ въ плечо навылеть) и

19 нижних чиновъ (трое умерли). Доблестные товарищи, слава и честь вамъ! (12).

Милитарное восклицание – особый стилистический прием передачи в тексте особого настроения чувств, который сопровождается в речи восклицательной интонацией, а на письме оформляется восклицательным предложением:

Какой ужасный бой! Крики и стоны ихъ не забыть во векъ! Бежавшихъ немцевъ мы проводили шрапнелью. Потомъ артиллерія противника опять начала насъ засыпать, при чемъ определился подходъ къ германцамъ новыхъ подкрѣпленій (13).

Бедные люди, какое разореніе несетъ имъ война! (23).

Въ мирное время ему изрядно отъ меня доставалось, а тутъ ничего не могу сказать. **Вотъ она война съ немцами, народная, долгожданная война!** (24).

Безъ поддержки орудій положеніе нашихъ стрѣлковъ могло стать критическимъ если бы бой затянулся и нѣмцы уверились въ своемъ численномъ превосходствѣ. Тогда последовало отъ командира бригады приказаніе пройти, хотя бы съ частью орудій, къ нѣхотнымъ цѣлямъ. Эта задача была возложена на меня, и мы ее выполнили. **Чего не выполнитъ русский солдатъ!** (29).

Сколько смертей, сколько мученій! Да будетъ проклятъ Вильгельмъ за принятыя на себя злодѣйства (54).

Кое-гдѣ на крестахъ вѣнки съ увядшими уже цвѣтами – дань нашихъ солдатъ ушедшимъ боевымъ товарищамъ (57).

А вѣдь въ арміи у насъ такихъ, какъ Фальцъ, много и многіе изъ нихъ пролили свою кровь въ борьбѣ съ врагомъ (59).

Афоризмы – оригинальные законченные мысли-высказывания, которые зафиксированы в краткой запоминающейся текстовой форме. В афоризме обычно концентрированно передается какая-либо назидательная информация и коннотация, которая связана с восприятием афоризма носителями языка. Отметим, что милитарные афоризмы носят малопродуктивный характер. Будучи фиксированными в отдельном лингвистическом источнике, они практически не воспроизводятся в таком же виде в других источниках более позднего периода появления.

Воистину служатъ не за страхъ, а за совесть и съ радостью умираютъ за Родину и Царя (38).

На войнѣ надо прежде всего привыкнуть смотреть смерти въ глаза (50).

Молодость, молодость, всегда и вездѣ она одинакова (79).

Милитарный риторический вопрос – стилистическая фигура, представляющая собой вопросительное предложение, вопрос, ответ на который не может быть дан моментально и однозначно, этот ответ лишь подразумевается и зависит от позиции собеседника:

Кстати о георгиевскихъ крестахъ. Кто въ батарее у меня до стойнѣйшій? Право, всѣ въ равной мѣрѣ. Кто вообще герой въ этой войнѣ? Тотъ, кто убитъ, или тотъ, кто еще ждетъ своей очереди, или, наконецъ, счастливѣйшій изъ счастливыхъ, кто останется невредимымъ до конца войны и вернется домой? Выдержатъ войну, если къ тому же она затянется на годъ, а можетъ быть больше; – пусть это не героизмъ, но тогда что-же? (39).

Перечисление – стилистическая фигура, построенная на синтаксическом объединении в один смысловой конструкт ряда однородных, но близких по значению членов предложения: **Они сказали, что дочь Парембскаго, выйдя изъ своего заключенія на свѣтъ Божій, при видѣ ихъ съ рыданіями бросилась къ первому изъ нихъ и поцѣловала покрытый грязью казацкій сапогъ. Такія вещи чувствуются больно и отраднo. Война, защита родины, близкихъ, женъ нашихъ и дочерей...** (70).

Хотѣлъ говорить о войнѣ, но, видимо, другія чувства сильнѣе и прежде всего желаніе забыться и все забыть: смерть тысячъ людей, стоны и проклятія, потоки крови, оторванныя головы и руки – кошмаръ, который хотѣлось бы скорѣе пережить (75).

Дифференциация стилистических фигур военного дискурса, к каким относятся и милитарные обращения, риторические вопросы, восклицания, связано с их употреблением в милитарном контексте. Военно-дискурсивное пространство, таким образом, наделяет данные фигуры особыми экспрессивными функциями, связанными с выражением контекстуально обусловленных милитарных реалий и ситуаций.

Милитарные перифразы – орнаментальный элокутив, заключающийся в перифразировании (описательном обозначении) широко известного понятия военно-дискурсивного пространства путем выделения его особого признака: **медицинские сестры – Христовые невесты:**

Вошла луна и при свѣтѣ ея замелькали бѣлыя фигуры санитаровъ и сестеръ милосердія, этихъ воистину Христовыхъ невестъ (76).

Поддерживаем мнение ученых о том, что от описания отдельных тропов и фигур современная теория элокуции движется к полному структурно-функциональному описанию элокутивов, и развитие представлений о милитарной элокуции является вкладом в общую теорию элокуции, так как представляет собой возможность описания функционирования элокутивов в пределах военно-дискурсивного пространства.

Примечания

- 1 Пекарская И. Фигуральные элокутивы : принцип организации и способы представления // Вестн. КГПУ им. В. П. Астафьева. 2013. № 3 (25). С. 167.
- 2 См.: Пекарская И. Фигуральные элокутивы : принцип организации и способы представления // Вестн. КГПУ

- им. В. П. Астафьева. 2013. № 3 (25). С. 167–172 ; *Ее же*. Теория фигур и теория элокуции (ретроспективный очерк) // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании : сб. материалов X Междунар. конф. по риторике. Вып. 2 / науч. ред.-сост. В. И. Аннушкин. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2006. С. 110–114.
- ³ См.: Уланов А. Средства элокуции в «Хронологическом перечне событий из истории Сибирского казачьего войска» 1891 г. // Роль Сибири в поликультурном и многоязычном мире современного евразийского пространства : материалы Междунар. науч. конф. (Омск, 23–25 октября 2015 г.) : в 2 ч. / Ом. гос. ин-т сервиса ; редкол. : С. В. Буренкова (отв. ред.), Т. В. Долгова, С. Ю. Нейман. Омск : ОГИС, 2015. Ч. 1. С. 204–208.
- ⁴ См.: Уланов А. Средства военной элокуции в дискурсе текстов о Русско-японской войне // Результаты научных исследований научно-педагогических работников Сибирского института бизнеса и информационных технологий. Омск, 2016. С. 169–178.
- ⁵ Козельский О. Записки батареяного командира (Составлены по письмамъ, замѣткамъ и разсказамъ участника войны). Выпускъ первый. Петроградъ. Библиотека «Вечерняго времени». Издание Б. А. Суворина 1915. 98 с. С. 19. URL: http://militera.lib.ru/db/0/pdf/kozelsky_o01-1.pdf (дата обращения: 25.09.2016). Далее цитаты на это издание даются с указанием страниц в скобках.

Образец для цитирования:

Уланов А. В. Орнаментальные элокутивные средства в военном дискурсе русского языка начала XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 11–15. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-11-15>

Cite this article as:

Ulanov A. V. Ornamental Elocution Means in the Military Discourse of the Russian Language of the Early 20th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 11–15 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-11-15>
